

ОПУХОЛЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

МАКАР ПАШКЕВИЧ

18+

Макар Пашкевич

Опухоль

<https://litres.ru/74676443>

SelfPub; 2026

Аннотация

Молодой хирург теряет веру в себя и профессию, застряв в бюрократическом аду системы постсоветской медицины. В это время в городе случается вспышка ипохондрии. Люди уверены, что внутри них опухоль и ее нужно вырезать. Герой через телефонные звонки от неизвестных впутывается в черную хирургию. Цель неизвестных - найти опухоль. Цель молодого хирурга - найти смысл хоть в чем-то.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Макар Пашкевич

Опухоль

Глава 1

Дифференциальный диагноз

Глава 1

Любая история достоверна в той степени, в какой вы сами готовы в нее поверить. И я не буду утверждать, что в основе этой истории лежат хоть сколько-то реальные события, как и не стану говорить об обратном. Ведь рассказчику либо верят, либо нет. Так же и с врачом.

А мне не повезло быть одновременно и тем, и другим.

Началом этой истории я назову не конкретный день, а заметный этап жизни. Несколько лет я влачил тоскливое, жалкое существование в хирургическом кабинете поликлиники одного районного центра в относительно небольшой постсоветской стране. Поликлиники, как и любое государственное учреждение, - это яркий пример того, как лозунги могут победить понятную суть и здравый смысл работы. И поэтому, попав в контрактное наебалово в виде отработки на энное количество лет, я осознал, что медицина - мой черствый хлеб, и я успешно сломаю все зубы. Раз уж городу повезло быть районным центром, то все медучреждения в округе со-

здавали так называемое ЦРБ - центральную районную больницу. А это означало, что проблемы какой-нибудь амбулатории посреди леса могли внезапно стать твоими проблемами.

Мне приходилось много работать и мало зарабатывать. Но это считалось нормой, ведь все мои коллеги считали так: если ты не подымаешь на работе, значит, тебя человеком-то не назовешь, куда там врачом. Ведь врач должен забыть о себе, как личности, и превратиться в биоробота на службе обществу и государству. Эта система могла держаться только на туполобом самопожертвовании и издевательски низких зарплатах, которые вынуждали перерабатывать. Хочешь выжить - ебашь.

Поэтому ебашить приходилось.

Мне приходилось впахивать пятидневку с утра до вечера, а потом идти на ночные дежурства практически каждый день, чтобы сумма в расчетнике создавала иллюзию, что я высококвалифицированный, ценный, дефицитный специалист с высшим образованием. По факту этих денег хватало на оплату квартиры без гниющей сантехники и на еду, благодаря которой не подохнешь от колоректального рака в ближайшую пятилетку.

Я искал, довольно долго искал смысл в том, что делаю. Но какой-то смысл был лишь в поиске этого смысла. Я страдал от рутинной работы, я страдал от рутинной любви. И первое, и второе заполняет твою жизнь практически до краев, поэтому я искал чего-то особенного.

В решающий момент, когда уже начал выбирать веревку покрепче и крюк посимпатичнее, подвернулось любопытное дельце.

Подпольная хирургия, так сказать.

-Здравствуйте! Просим вас провести нашего брата. Ему тяжело дается одиночество. Он жалуется на выносимую безнадёгу внутри. Адрес отправлю сообщением на ваш номер! Пожалуйста, не оставляйте человека в беде. Мы вам будем благодарны, - подобные звонки я получал, когда находилась работенка. Каждый раз с нового номера, мужчины, женщины, один раз даже ребенок. Перезванивать нельзя, один раз попробовал - ух...

Поступает звонок, следом приходит сообщение с адресом, потом я выдвигаюсь.

Первый раз в любом деле всегда особенный.

Я получил адрес, я приехал на адрес. То была высотка - двенадцать этажей монолитного человејника. Люди платят огромные бабки за толстенные бетонные стены, чтобы не слышать всякой херни за пределами своего бункера. Это правильно: если не слышал, значит, не знаешь. Вот такая иллюзия безопасности.

-Кто? - слышалось из домофона. Хозяин явно бухой - готовился.

А я не знал, что отвечать. Инструкций мне никто не давал, смог придумать что-то нейтральное, типа: "Доставка". Мне показалось, что нужно поддерживать этот шпионский вайб:

шифровки, намеки, недосказанности.

-Я ничего не заказывал, - прохрипел он и бросил трубку.

Я перезвонил:

-Блядь! Хирург нужен или нет? - стало понятно, что в шпионы, кроме меня, никто играть не собирался

-А... да? Входите. Чего ж сразу не сказали? Восьмой этаж.

Потом он где-то полминуты дрочил кнопку, пока наконец-то ни впустил меня. В этом доме было целых два лифта, а я пошел пешком. Старался максимально отсрочить момент встречи. Внутри все сжималось, словно идешь на первый в жизни секс, но с человеком лет на сорок старше тебя. Кажется, что вот-вот вляпаешься в дерьмовую историю. Да, тебе могли все рассказать, вообще ничего не скрывая, даже фотки предварительно показать - лучшие ракурсы при правильном освещении, само собой. Все хорошо, все замечательно, но вот ты в подъезде, осталось подняться на нужный этаж. И только сейчас просыпается часть мозга, ответственная за логику и рациональность. Она видит, в какой жопе мы оказались и дико воет, запертая в черепной коробке полного уебана.

Но уже поздно. Поздно давать заднюю. Нет, не из-за последствий, а из-за тупого упрямства, взявшего тебя на слабо.

Ну, и деньги вроде как неплохие.

Дверь в квартиру хозяин оставил открытой, но меня он не встречал, наверное, заебался ждать, пока я телепаюсь по лестнице.

-Сюда, сюда, проходите в комнату. Наденьте только пластиковые сапоги.

-Это еще для чего?- интересовался я.

-Я достал их из коробки "для врача".

Из коробки "для врача". Звонящие доставляют коробки по адресам со всем необходимым: от скальпелей до мешков для трупов.

Пациент заканчивал обклеивать комнату полиэтиленом - стандартная практика в нашем деле. Всю мебель он вынес в коридор, а в середину пустующей спальни поставил складной операционный стол. Очень хлипкая штука, как, впрочем, и наша затея. На других складных столиках рядом с операционным лежали ждущие своего часа инструменты, медикаменты, перевязка: один из весомых плюсов работы на толкового частника - тебе не нужно заботиться о подготовке своего рабочего места.

Я натягивал одноразовый хирургический халат, пациент раздевался. Он задраил окна изолентой, а потом сверху повесил полиэтилен. Пластик был везде, духота расплзалась по комнате, плюс синтетический халат и сапоги вытягивали душу вместе с потом.

Хозяин квартиры вскользь глянул на меня, когда шел закрывать дверь в "операционную". В его взгляде я увидел целый букет эмоций и чувств: непонимание, страх, смятение, смущение. Когда дверь закрылась, и липучки на полиэтилене схлопнулись с характерным треском, мужчина крикнул:

-Э, сука, я тебя вспомнил!

Мне пришлось присмотреться повнимательнее. Я его тоже вспомнил. Трудно забыть тех, кто пытался выжрать тебе все мозги.

-Ага, так ты нахуй посылаешь, значит, а за бабки готов мне помочь?

-Да, - чего уж врать? За бабки я действительно был готов на многое.

Этого мужика я встретил на своем дежурстве. Дежурство то оказалось одним из тех, которые выжигают внутри тебя человеческое, оставляют мертвую оболочку, и уже от нее требуют соблюдения клятвы Гипократа. А мы ее и в глаза не видели.

Он пришел в приемный покой около четырех часов ночи. К тому моменту я плавал в поверхностной сне. Это единственное, что я заслужил в ту ночь: тридцать минут тухлой дремоты, то и дело прерываемой двигателями скорых.

Я его начал ненавидеть еще до того, как увидел - со звонка медсестры.

-Тут еще один, ебнутый, - сказала она мне.

И ебнутым он был не из-за того, что он приперся в приемный покой в четыре утра с жалобами на полную хуйню, к таким привыкнуть невозможно, но удивляться перестаешь быстро.

-Внутри меня опухоль, - вот что он мне выдал первым делом, только увидев. - Вы должны ее вырезать сейчас же.

Таких, как он, я повстречал много. И на дежурствах, и на приемах в поликлинике. Они пошли плотным потоком совершенно внезапно. Прямо вспышка ипохондрии. Каждый из них утверждал, что внутри него опухоль, каждый требовал ее удалить.

Кое-кто заходил слишком далеко.

-Сука, если ты не хочешь лечить людей, так съеби нахуй из медицины! - кричал на меня мой пациент на том дежурстве.

Он не хотел слушать ни про УЗИ, ни про КТ, МРТ, ни про онкомаркеры и биопсию.

-Вертел вашу диагностику на своем дряхлом члене! Я знаю, что у меня опухоль! Мой мозг сканирует организм каждое утро, и сегодняшним утром он заметил внутри меня опухоль. Прямо тут, - он указал куда-то в центр живота.

Я хотел посильнее всадить колено ему в живот, и посмотреть, как он выблюет эту опухоль с кровью, но вокруг пона-тыкали камер. Я придумал три миллиона матерных рифм к его имени, но камеры были с микрофонами.

Антон Игоревич хотел операцию именно сейчас, именно здесь. А мнение того, кто эту операцию должен провести, он слушать не хотел. Антон Игоревич ебанный псих, и таких психов я пачками встречал каждый день на "работе мечты".

-Внутри меня опухоль. Мне нужно ее удалить сейчас же! - если я слышал эту фразу, значит, в следующее мгновение будет твориться какой-нибудь трэш.

Но настоящая ирония в том, что к ним следовало бы при-

слушаться.

Я сказал ему идти домой, утром обратиться к участковому терапевту, решить этот вопрос с ним, а сам поплелся в свою каморку возле туалетов рентгенологического отделения в надежде отключиться еще хотя бы на пару минут.

До каморки дойти успел. И лечь успел. Глаза закрылись в полете головы на подушку, а вот со сном опять возникла проблемка. Весь мой мозг разрывался от ярких вспышек и фантомных хлопков. Тело дернулось раза три подряд от ощущения падения, и опять какую-то сволочь доставили на скорой.

В такие моменты кажется, что сходишь с ума. В месяце около девятистот часов, работал из них я где-то пятьсот, может, сотней больше. Чем же я занимался остальные двести-триста? Думал, какой же хуйней я страдаю. В какую-то из ночей даже начал непроизвольно молиться. Это действительно вышло совершенно случайно: выглянув в окно своей каморки я увидел удивительно звездную ночь. Тогда вроде как вырубило электростанцию из-за стаи крыс, весь город погрузился во тьму, кроме счастливицков с генераторами. В том звездном небе не было красоты, а лишь насмешка над мной. Я не просил у Бога денег, я не просил у Бога пощады, а лишь немножечко смысла.

Меня сводила с ума работа ради работы. Я застрял в системе, где количество прошедших через тебя пациентов за единицу времени куда важнее реальной помощи. Они всего лишь циферки в компьютере, пока кто-нибудь из них не

решил написать жалобу. "Ой-ей, доктор не захотел задержаться после приема, чтобы посмотреть на фото моего кала. Оторвите ему яйца и прибейте их на входе в поликлинику. Прошу дать ответ в письменной виде на почту по месту жительства с предоставленными доказательствами факта наказания". Кстати, можно обойтись и без жалоб, достаточно просто умереть. Ведь умерев, пациент в государственной медицине получает имя.

Я сгорал эмоционально и физически. Я приносил в жертву самоуважение и собственные мечты, подбрасывая в топку веру в лучшее завтра. А взамен не получал ничего, кроме утекающего срока отработки. Деньги были, довольно неплохие, если учитывать, средние зарплаты региона, согласно новостям. Однако это были далеко не те суммы, ради которых можно лечь в могилу лет в сорок, схватив инсульт на толчке.

И даже опыта перепало не то, чтобы сильно, а ценность этого опыта довольно сомнительна. Чем отличается выпускник от прожженного врача? Старожилы знают, как заполнять формуляры. Какой смысл от простого проживания лет в профессии, если у меня уже есть бесконечное вместилище цифровой информации и готовые схемы? Раньше врач смотрел на пациента как на полотно, из которого он должен сделать шедевр. Если перед тобой появлялся пожилой доктор, значит, его руки по локти в крови, но зато он знает цену каждой капле, ведь призраки погибших приходят к нему ноча-

ми исключительно из-за его выбора. Мои призраки спят спокойно вместе с совестью, ведь выбор где-то позади, он ничто перед величием алгоритмов. Сегодня я обязан заполнить десять тысяч формуляров за пять лет прежде, чем система увидит во мне какое-то подобие оформленной массы. А ведь я действительно видел в медицине настоящее искусство.

Я выживал. Нет, не голодал, не замерзал, но я разваливался физически и ментально от однообразия и беспощадности бытовухи. Так что знайте, вас лечат люди, которым приходится выживать. Ваши жизни зависят от тех, кто думает, как выжить самому.

У меня вышло заснуть, либо мне показалось, что спал. Звонок поднял меня вновь.

-Этот ебанутый где-то достал скальпель! - кричала медсестра. - Требуется хирурга, иначе... Блядь! Он режет себя?! Держите его руки!

Перед глазами всплыла картинка порезанных вен. Порезанных грамотно - вдоль, а не поперек. Но Антон Игоревич оказался куда интереснее. Он попытался выпотрошить себя. Пластиковая рукоятка скальпеля торчала в животе на пять сантиметров выше пупка, кровь стекала по волосатому пузу. Его держал весь приемник: три медсестры, три санитарки, травматолог, терапевт и случайно, но очень удачно забредший психиатр. Подошедший я извлек из живота скальпель, как экскалатор, и вся пантомима мигом прекратилась. Лезвие не прошло глубже жира, но глядя сейчас на шрам, я по-

нимал, что иногда желания сбываются.

Он разделся до трусов, забрался на хлипкий операционный стол и принялся чего-то ждать. Я ему сказал, что молитвой в наркоз не войдешь, а он на полном серьезе ответил:

-У меня не хватило денег на наркоз. Они прислали какие-то таблетки. Вместо наркоза.

На столике неподалеку лежала пластинка с названием "Каркоза". Не хватало двух таблеток. Не знаю, как они должны действовать, но пациент оставался в сознании, он смотрел прямо на меня и продолжал насиловать нервы:

-Ты же ведь знаешь, что нужно делать?

-Удалить опухоль, если я правильно помню?

-Да... и еще не убить меня, пожалуйста.

-Об этом мы не договаривались, - сказал я, настраивая освещение.

О нормальном свете мечтать не приходилось. В комнате стояло четыре мощные фотолампы, которые убивали любой намек на тень в помещении, но работать с ними все равно невозможно: живот они никак не освещали. И к тому ж сразу четыре включенных, они поднимали температуру в полиэтиленовом аду где-то на пару сотен градусов. Будто кожа начинала вскипать.

-Видишь, там холодильник? Открой! - я ощущал в воздухе беспокойство моего пациента.

В холодильнике лежал физраствор и пару пакетов крови. Что с этим делать, я знал. Иисус любил Антона Игоревича,

поэтому подарил ему хорошие вены.

Я подключился к его кровотоку. Физраствор побежал по вене, а кровь ждала своего выхода, и что-то внутри подсказывало, она понадобится. Антон Игоревич взял в зубы свою майку, не надеясь на чудо импортных таблеток, и кивнул мне. Я быстро проверил имеющиеся инструменты: нож, зажимы, коагулятор, ножницы, нитки, ранорасширитель. Все было готово.

Скальпель в моих руках сверкал как маленькая звездочка в свете нейтронных ламп. Белый свет рассеивал не только тени, но и краски жизни на коже пациента. Мужчина побледнел. Капли пота проступили на его выбритом теле, точно сотни маленьких экранчиков загорелись - начался прямой эфир.

Скальпель на мгновение застыл над его животом, а я застыл с поднятой ногой над роковой чертой. Вот я ее перешел - путь назад испарился.

Острая сталь побежала по бледной коже. Кровь вырвалась из перерезанных капилляров, она вытекала тонкими ручейками, заливала стол, пол. Пока я судорожно останавливал кровотечение коагулятором, Антон Игоревич внимательно наблюдал за моими действиями. Клянусь, скажи он хоть одно слово, мои напряженные мышцы лопнули бы, как перетянутые струны, а кости треснули со звонким хрустом.

Пот заливал мне глаза, когда я подобрался к апоневрозу. Одним неловким движением я разрезал его вместе с брюши-

ной, и содержимое Антона Игоревича вырвалось из его брюха, как конфетти из хлопушки, как кола из бутылки с ментосом, как перебродившее варенье из банки. Будто внутри него действительно что-то стремилось вырваться наружу, толкая потроха.

Кишки свисали по бокам стола и плавно двигались, как тощие змеи. Кричал я, кричал Антон Игоревич. Его глаза налились кровью и почти вывалились из глазниц, он орал так сильно, что голосовые связки захрипели, как перегруженный динамик.

-Да в пизду, - проговорил я.

Нет, убежать я не собирался. Я решил нарушить самое святое в современной медицине - врачебную тайну. Звонок Сэнсею обычно решал все проблемы. Нет, они не исчезали, но советы старшего коллеги помогали выбраться из всякого дерьма.

-Алло! Алло! - я кричал в трубку, не дожидаясь конца гудков.

-Что случилось? - его голос всегда был спокойным, в какое бы время я ему ни позвонил.

Сэнсей выслушал мой ужасно рваный рассказ о том, в какой жопе я очутился, и задумчиво начал вещать:

-Смотри, "Каркоза" - это новая азиатская дрянь. Превращает выпившего в овоща, убирает боль, обездвиживает, стирает память о пережитом дерьме. Он, судя по всему, выпил недостаточно.

-И что теперь с ним делать?

-Уже ничего, продолжай операцию. Инфузию подключил?

-Да. Даже кровь есть.

-Замечательно. Действуй быстро. Есть хотя бы представление, что нужно найти?

Я покачал головой, вместо ответа. Но Сэнсей все понял:

-Если увидишь, поймешь. А если ничего не видишь, то надолго не задерживайся. Тебе нужно свалить оттуда быстрее, чем он начнет охлаждаться.

-Эй, доктор! - говорил Антон Игоревич. - Может быть, следовало до операции обсудить все?

Но это были непредвиденные последствия. Сложно сказать, что конкретно можно ожидать, когда идешь удалять опухоль в брюхе у незнакомца у него в квартире, но обстановка сложилась хуже некуда.

Кишки оказались абсолютно нормальными, а вот салыник усыпало мелкой рябью черных точек. Точки были слишком-слишком маленькими, чтобы их разглядеть, но мой глаз достраивал им форму. Какую, я тогда понять не мог.

Аккуратно срезав одну точку, я начал зашиваться.

-Все? Все? Ты закончил? - спрашивал Антон Игоревич.

Он помогал мне дрожащими, потными руками запихивать кишки внутрь себя. Это получалось ужасно. Они не хотели возвращаться назад, выползая из живота, как неуловимые котята из клетки. Просачивалась сквозь пальцы, будто даже уворачивались.

-Сука, держи их! - крикнул я.

-Да я пытаюсь, пытаюсь! - Антон Игоревич плакал. - Только не оставляй меня здесь так...

Я бы не оставил.

Первый раз в любом деле всегда особенный. Ты вынужден перешагнуть через себя, встретиться с неизвестным. Обычно второй раз, и третий, и все последующие такие же, как первый. Нужно перешагивать и вновь, и вновь. Неизвестность становится знакомой, но страх от этого не исчезает. Сердце замирает опять и опять. Всегда боишься ошибиться, пока в какой-то момент не замечаешь, что привык.

И именно в этот момент ты проиграешь, ведь решил, что стал лучшим. Лишь сейчас твои ошибки начинают иметь реальный вес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.